

Maria Galimska

Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак)

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 65-75

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Maria Galimska

Akademia Pomorska
Slupsk, Polska

МИСТИФИКАЦИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК)

Ключевые слова: *литературная мистификация, псевдоним, подделка, серебряный век, Елизавета Дмитриева, Черубина де Габриак*

Литературные мистификации вызывают интерес не только тех, к кому направлены, но и ученых. Литературные мистификации распространены на всем протяжении развития словесного творчества. Тем не менее, научных работ о мистификации не много. Кроме статей об отдельных случаях мистификаций, имеется только одно исследование Е. Ланна, в котором сделана попытка выявления их типологии. Прежде, чем перейти к предмету статьи, следует дать определение понятия мистификации.

«Слово мистификация происходит от греческого слова „mystes”, означающего „посвященный в тайну”, и латинского „facio” – „делаю”. Литературной мистификацией называется произведение, авторство которого приписано его сочинителем другому лицу (реальному или вымышленному) или народному творчеству. Мистификацией создается стилистическая манера и творческий образ вымышленного автора»¹.

Мистификация – это не просто публикация своего труда под псевдонимом. Разница между мистификацией и псевдонимом значительна. Псевдоним [греч. pseudonymos – „лжеименный”] – это вымышленное имя, заменяющее собой настоящее, которое по тем или иным причинам надо скрыть². Мистификатор же не только умело создает текст от имени совершенно другого человека, но также создает образ самого человека. Писатель-мистификатор наделяет этот образ собственным вымышленным характером и биографией.

Е. Ланн в основу определения мистификации берет понятие „подделка” и выделяет подделки произведений безличного творчества и подделки литературных произведений, к которым относит подделки произведений, приписываемых известным писателям и историческим лицам³. Принимая в целом типологию

¹ *Литературный энциклопедический словарь*, под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева, Москва 1987, с. 222.

² *Словарь иностранных слов*, 7-е издание, Москва 1980, с. 417.

³ Е. Ланн, *Литературная мистификация*, издание 2-е дополненное, Москва 2009, с. 67.

Ланна, считаем спорным вопрос о „подделке” как основании этой типологии. Ведь «подделка – это не что иное, как фальсификация»⁴, то есть стремление выдать копии за подлинник (подделка предметов искусства). Таким образом, можно принять, что подделка относится больше к публикации подобия чужого творчества в качестве своего, а мистификация связана с публикацией оригинального произведения вымышленным лицом.

Во введении к своей книге Ланн наряду с понятием литературной мистификации ставит понятие фальсификации и подделок, при этом выясняет, что к фальсификации целого литературного произведения приводит «искажение текстов»⁵.

Для того, чтобы понять предложенную Е. Ланном типологию, следует рассмотреть каждый из видов подделок (пользуясь терминологией Ланна) на примерах. Итак, первый вид подделки произведений безличного творчества ориентируется на народный эпос. Одной из самых знаменитых фальсификаций такого рода являются *Поэмы Оссиана*, сочиненные Макферсоном, утверждавшим, что почти дословно перевел шотландские легенды, передававшиеся из поколения в поколение на протяжении веков.⁶ Стоит также обратить внимание на замечательный памятник древнерусской культуры *Слово о полку Игореве*, который многие скептики долгое время считали и до сих пор считают талантливой подделкой XVIII века⁷.

Ко второму виду литературных мистификаций относятся следующие подделки литературных произведений.

Во-первых, подделки, приписываемые известным писателям. Возьмем, к примеру, 17-летнего Вилльяма Айрланда, писавшего в 90-х годах XVII века пьесы, выдаваемые за якобы найденные пьесы Шекспира; при этом подпись Шекспира, бумага и чернила не вызывали никаких сомнений. Им «найденны» были также театральные заметки, несколько контрактов с актерами, книги с пометками Шекспира на полях, переписанный экземпляр *Короля Лира*, неизданные фрагменты *Гамлета* и два «любовных» письма Шекспира, в одно из которых был вложен локон поэта⁸. В России обширную литературу породила мистификация Д.П. Зуева, опубликовавшего в 1897 окончание пушкинской *Русалки*, которое он в возрасте 14 лет будто бы слышал в чтении самого Пушкина⁹.

Во-вторых, подделки произведений, приписываемых историческим лицам. Например, прощальная песня, приписанная мистификатором Марии Стюарт, поэма *Наполеон*, приписываемая брату императора Жозефу, бывшему королю неаполитанскому и испанскому¹⁰.

И в-третьих произведения, приписываемые вымышленным авторам. К числу таких мистификаций принадлежат такие писатели, как Козьма Петрович Прут-

⁴ ru.wikipedia.org/wiki/Ложь (20.10.2012).

⁵ Е. Ланн, *Литературная мистификация...*, с. 18.

⁶ *Поэмы Оссиана. Мистификация Макферсона*, fraudsa.ru/glavnaya/8-poyemy-ossiana-mistifikaciya-makfersona.html (12.10.2012).

⁷ В. Аринин, *Взрыв золотого «Слова»*, [в]: *Электронная библиотека по русской литературе XIX века*, www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=265 (3.11.2012).

⁸ Е. Ланн, *Литературная мистификация...*, с. 119-120.

⁹ *Краткая литературная энциклопедия. Мистификации литературные*, feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-8653.htm (12.10.2012).

¹⁰ Е. Ланн, *Литературная мистификация...*, с. 136-137.

ков, Черубина де Габриак, Анжелика Сафьянова, Хольм ванн Зайчик, Эмиль Ажар, Макс Фрай и многие другие.

Каковы же причины появления литературных мистификаций?

Причины могут быть разнообразны. Вот только некоторые из них: осознанное введение читателя в заблуждение ради розыгрыша; приобретения популярности; способ самореализации и самоутверждения; политические и идеологические соображения или же просто желание разбогатеть. Важным фактором появления литературных мистификаций считаются переломные для литературы и общественной мысли эпохи. Именно поэтому расцвет мистификации в России приходится на Серебряный век – период новых открытий, появления новых философских идей, расцвета искусства, музыки и художественной литературы¹¹.

Философские идеи, а также научные достижения конца XIX – начала XX века кардинально изменили мировоззрение людей во всем мире (Дарвин, Ницше, Фрейд, Шопенгауэр). «Идеалы и кумиры прошлой либерально-позитивной эпохи умерли. Кризис разразился и в сфере общественной морали и этики»¹².

Люди искусства искали новые направления, пытались убежать от настоящего, серого, скучного сегодняшнего дня. Рождался бунт против всего старого, такого знакомого и привычного. В городах устраивались поэтические вечера, часто скандальные и эпатажные. Богема оказалась разрушителем, а впоследствии разрушителем классического искусства того времени.

Не зная, чего ожидать от конца века, многие представители искусства хотели прожить каждый день так, как будто бы это был их последний день, а завтра наступит конец света. Желание все успеть, как можно больше узнать, испытать и, наконец, почувствовать приводит к так называемому игровому поведению в искусстве и литературе. Писатели придумывали себе своего рода маску, которая позволяла им открыть свои скрытые мысли, чувства и даже желания. Постепенно, можно даже сказать, незаметно, граница между игрой и бытовым поведением людей начала стираться. Человек стал воспринимать жизнь как театр, а театр смешался с жизнью¹³. Это и дало повод к мистификациям.

Ярким примером может служить самая известная и вместе с тем таинственная литературная мистификация Серебряного века, связанная с именем Черубины де Габриак. Под этой блистательной мистификацией скрывалась скромная, невзрачная девушка, учительница французской словесности Елизавета Ивановна Дмитриева (1887-1928).

В 1909 году стихи Черубины де Габриак печатались в журнале „Аполлон”. В нее влюбились все «аполлоновцы», никто не сомневался в правдивости ее слов. С особым азартом ею восхищался Волошин, посвятив ей один из своих «гороскопов»; Гумилев мечтал о дне, когда он покорит красавицу католичку; Иванов восхищался ее искусственностью; Сомову Черубина нравилась «до бессонницы»; Маковский присылал Черубине на вымышленный адрес цветы, а барон Врангель, узнав об ее отъезде в Париж и мечтая увидеть поэтессу, дежурил несколько дней на вокзале.

¹¹ См.: Ю.Н. Безелянский, *99 имен Серебряного века*, Москва 2009, с. 7.

¹² Н.В. Барковская, *Поэзия «серебряного века»*, Екатеринбург 2010, с. 10.

¹³ См.: И.Г. Минералова, *Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма*, 5-е издание, Москва 2009, с. 22-23.

Сотрудники „Аполлона” не видели Черубину де Габриак, но тем не менее все ждали с нетерпением от поэтессы писем, звонков и мечтали о встрече. Что же такого необычного было в Черубине? Почему в нее влюблялись?

Черубина была окутана тайной. Она присылала в журнал „Аполлон” письма, в которых «поэтесса, как бы невзначай проговаривалась о себе, пленительной внешности и печальной участи.

С моею царственной мечтой
одна брожу по всей вселенной,
с моим презреньем к жизни тленной,
с моею горькой красотой.

Царицей призрачного трона
меня поставила судьба...
Венчает гордый выгиб лба
червонных кос моих корона.

Но спят в угаснувших веках
все те, кто были бы любимы,
как я, печалию томимы,
как я, одни в своих мечтах.

И я умру в степях чужбины,
Не разомкну проклятый круг,
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?¹⁴

«Ее почерк был на редкость изящен, листы бумаги, на которых были написаны стихи, были пропитаны изысканным запахом духов и переложены засохшими цветами и травами. Все это заостряло внимание и создавало таинственное напряжение. Конверты были завязаны черными траурными ленточками и запечатаны черным сургучом, к тому же адреса для ответа не было»¹⁵. Когда поэтесса звонила по телефону, «голос у нее был удивительным и обвораживающим. Привлекательной была также вся немного картавая, затушеванная речь, из которой можно понять, что так разговаривают женщины очень кокетливые, привыкшие нравиться, уверенные в своей неотразимости»¹⁶. Именно так вспоминает о Черубине де Габриак редактор „Аполлона” Сергей Маковский.

С каждым письмом и телефонной беседой тайна, покрывавшая девушку, открывалась, а редакция журнала жила в недоумении, кто такая Черубина и почему прячется. Она не соглашалась на встречи, предпочитая остаться анонимной, ссылаясь на сложные семейные обстоятельства.

Таинственная поэтесса представала в облике страстной католички с рыжеватобронзовыми кудрями и бледным лицом, но ярко очерченными губами со слегка опущенными уголками. Походка была чуть прихрамывающая, но это ничуть не смущало поклонников поэтессы, называвших ее красавицей – колдуньей. Она жа-

¹⁴ Слова. Серебряный век. Стихи Черубины де Габриак, slova.org.ru/degabriak/smoeju-tsarstvennoj/ (05.11.2012).

¹⁵ С. Маковский, *Портреты современников*, Нью-Йорк 1995, с. 336.

¹⁶ Там же, с. 337.

ловалась на одиночество, от которого не спасал даже Святой Грааль. Незнакомка жила в ожидании минуты, когда навеки сможет отдать свое истосковавшееся по любви сердце единственному рыцарю. Ее поэзия была переполнена страстью:

Лишь раз один, как папоротник, я
цвету огнем весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью,
в заклятый круг, приди, сорви меня.
Люби меня. Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче.
Я, как миндаль, смертельна и горька,
нежней, чем смерть, обманчивей и горче¹⁷.

«Черубина признавалась, что она родом из Испании, ей всего восемнадцать лет, воспитывалась в монастыре и с детства немного страдает грудью. Проговорилась она о каких-то посольских приемах в особняке «на Островах». О близких родных было сказано лишь то, что мать давно умерла, а она находится под строжайшим надзором отца-деспота. Невзначай вспомнила о монахе-иезуите, который являлся ее исповедником»¹⁸. В одном из стихотворений она пишет:

Замкнули дверь в мою обитель
Навек утерянным ключом;
И Черный Ангел, мой хранитель,
Стоит с пылающим мечом.

Но блеск венца и пурпур трона
Не увидеть моей тоске,
И на девической руке –
Ненужный перстень Соломона.

и в то же время находит спасение в своем знатном роде:

Но осветят мой темный мрак
Великой гордости рубины...
Я приняла наш древний знак –
Святое имя Черубины¹⁹.

О своем высоком происхождении она вспоминает также в стихотворении под названием *Наш герб*

Червлёный щит в моем гербе,
И знака нет на светлом поле.
Но верен он моей судьбе,
Последний – в роде дерзких волей²⁰.

¹⁷ Слова. *Серебряный век...*, slova.org.ru/degabriak/lishrazodin/ (05.11.2012).

¹⁸ С. Маковский, *Портреты современников...*, с. 337.

¹⁹ Слова. *Серебряный...*, slova.org.ru/degabriak/zamknulidver/ (05.11.2012).

²⁰ Стихи Черубина де Габриак – Елизавета Васильева (Дмитриева), er3ed.qrz.ru/gabriak.htm#biography (18.10.2012).

Никому не суждено было встретиться с Черубиной де Габриак, но в нее все влюблялись именно благодаря тайне, которой она была окутана, изысканным письмам (каллиграфическому почерку, листам бумаги, пропитанным тонкими духами, засушенным цветам и даже траурной ленточке), обворожительному голосу, ее утонченной внешности и, наконец, страстным, жаждущим любви стихам. Но и у Черубины была ненавистница, насмехавшаяся над ней и ее мистическими стихами – Елизавета Дмитриева, выведившая из себя поклонников незнакомки, сочиня меткие пародии на ее стихи. Она и была той таинственной Черубиной.

Но если стихи Черубины были столь душевны, страстны и обворожительны, то зачем создавать мистификацию и кто был ее инициатором? Могла ли Дмитриева писать и издавать стихи под своим именем, а не мистифицировать поэтические круги?

Ответ на эти вопросы однозначен. Елизавета Ивановна Дмитриева могла и даже хотела писать свои стихи от своего имени, но, к сожалению, в те времена нелегко было попасть в журнал „Аполлон”. Она высылала свои стихи в редакцию журнала, однако там искали кого-то мистического, кто мог бы привлечь внимание «аполлоновцев» и читателя не только своей поэзией, но и внешностью. К сожалению, Дмитриева была далеко не красавицей, да и стихи не смогли заинтересовать редакцию „Аполлона”.

Мистификация была задумана М. Волошиным и Е. Дмитриевой в Коктебеле летом 1909 года. Имя поэтессы Черубины де Габриак было продумано до мелочей.

«Габриак был морским чертом, найденным Максимилианом Волошиным на берегу моря в Коктебеле. Это был корень виноградной лозы, выточенный волнами, на котором можно было разглядеть одну руку, одну ногу и собачью мордочку. Корень стоял на полке с книгами французских поэтов у Волошина, пока тот не подарил его Елизавете Ивановне. Имя ему было дано «Габриах», и лишь в *Демонологии* Бодена Дмитриева и Волошин узнали, что Габриахом был бес, который защищал от злых духов. От их мистификации и впрямь веяло какой-то чертовщиной. В имени Ч. – черт Габриах, абы придать ему аристократичности, была добавлена частица «де», а окончание переделали на французский лад, и получилось – Ч. де Габриак. Но Ч. также должно было быть расшифровано. Елизавета вспомнила имя одной из Брет-Гартовских героинь – Черубину, которой была девушка, живущая на корабле и очаровавшая моряков»²¹.

Так родилась поэтесса Черубина де Габриак, а ее первые стихи принесли ей долгожданный успех. Мистификация позволила Дмитриевой открыть свои скрытые мысли, чувства и желания. Она могла не думать о своей внешности, почувствовать себя привлекательной кокеткой и всеми желанной женщиной. Мистификация удалась. Однако мистификация длилась недолго и вскоре была разоблачена.

В истории литературы разоблачения литературных мистификаций представляют некоторые трудности и иногда затягиваются на многие годы. Многие мистификации бывают не вполне раскрытыми, так как может быть доказана подделка, но существуют сомнения, кто является автором²². Что же касается Черубины

²¹ Из воспоминаний М. Волошина, [в]: Л. Агеева, *Неразгаданная Черубина*. Документальное повествование, Москва 2006, с. 88.

²² См.: Е. Ланн, *Литературная мистификация...*, с. 18.

де Габриак, то она сама призналась в мистификации, которая длилась лишь несколько месяцев с августа по ноябрь 1909 года. Что подтолкнуло ее к этому шагу, ведь если бы она не призналась, возможно, никто бы даже и не узнал о существовании мистификации? Кому она могла открыться и как закончилась мистификация?

Отвечая на эти вопросы, следует заметить, что Елизавета Ивановна целиком и полностью отдалась своему мистическому образу. Она прекрасно играла роль Черубины и поначалу ее это даже забавляло. Постепенно и незаметно для себя она все чаще задумывалась над тем, кто она? Черубина или Дмитриева? Если прочитать воспоминания Волошина, то мы поймем, что граница между жизнью и мистификацией стерлась, а Елизавете Ивановне «казалось, что она должна встретить живую Черубину»²³, но вместо нее она видит себя. Вот отрывок одного из стихотворений, написанных Черубиной Дмитриевой под названием *Двойник*:

Повторяется сон между снов.

В нем все смутно, но с жизнью схоже...

Вижу девушки бледной лицо, –

Как мое, но иное, – и то же,

И мое на мизинце кольцо.

Это – я, и все так не похоже....

... Я так знаю черты ее рук,

И, во время моих новолуний,

Обнимающий сердце испуг,

И походку крылатых вещуний,

И речей ее вкрадчивый звук.

И мое на устах ее имя,

Обо мне ее скорбь и мечты,

И с печальной каймою листы,

Что она называет своими,

Затаили мои же мечты²⁴...

После очередного литературного вечера, на котором Дмитриева как всегда была беспощадна в своих резких замечаниях о Черубине, она прочитала несколько своих стихотворений, на что присутствующий там поэт Гюнтер высказал свое удивление, что ее не печатают в „Аполлоне“. Во время прогулки с ним она рассказала немного о себе, о Волошине и страстном романе с Гумилевым. Трудно сказать, что могло спровоцировать Елизавету к откровениям, но она призналась Гюнтеру в том, что Черубина де Габриак – это не что иное, как мистификация, за которой скрывается именно она.

Маковский, узнав о мистификации, не поверил, но все-таки позвонил Елизавете Ивановне и договорился встретиться. Он был удивлен и разочарован, когда в дверь вошла, «очень сильно прихрамывая, низкого роста, болезненная, полная, с темными волосами женщина... со вздутым лбом и страшным ртом с клыкооб-

²³ Из воспоминаний М. Волошина, [в]: Л. Агеева, *Неразгаданная Герубина...*, с. 117.

²⁴ Там же, с. 118.

разными зубами»²⁵. Не трудно представить, насколько тяжело было Дмитриевой пояснять все С. Маковскому.

«Сотрудники „Аполлона”, узнав о мистификации, притворно смеялись; на самом деле они были оскорблены»²⁶. Гумилев, имевший когда-то роман с Дмитриевой, почувствовав себя униженным, оскорбил Елизавету Ивановну, а Волошин, борясь за честь поэтессы и чувствуя себя ответственным за происшедшее, при всех «аполлоновцах» ударил Гумилева по лицу, вызывая на дуэль.

Секундантами были Звонко-Боровский и Кузмин со стороны Гумилева, со стороны же Волошина – Алексей Толстой и Шервашидзе. Они договорились стреляться на пятнадцати шагах и стрелять по команде одновременно. Место дуэли выбрали в Новой Деревне, возле Черной речки, недалеко от места, где когда-то состоялась дуэль Пушкина с Дантесом, на пистолетах была сделана гравировка имен стрелявшихся когда-либо из них. Дуэль состоялась в ноябре и имела комический характер. Однако после нее страсти вокруг Черубины не утихли, а, напротив, только разгорались.

О поединке Волошина с Гумилевым говорили не только в редакции „Аполлона”, о нем сообщали во многих газетах. Описывали всю историю мистификации, оскорбленной Гумилевым девушки и дуэли. В редакции состоялось собрание, что-то вроде суда, и каждому участнику дуэли был присужден десятирублевый штраф. Кроме того, Гумилева приговорили к семидневному домашнему аресту, а Волошина – к однодневному. В газетах появились фельетоны, высмеивающие поединок. Виктор Буренин, памфлетист консервативного „Нового времени”, назвал Черубину де Габриак «Акулиной де Писсаньяк»²⁷. Для Елизаветы Ивановны последствия разоблачения стали личной трагедией. Поэтесса перестала писать стихи и вскоре уехала из Петербурга.

Так закончилась эпоха, которую в своем очерке *Живое о живом* (1932) М. Цветаева назовет эпохой Черубины де Габриак.

Анализ мистификации Елизаветы Ивановны Дмитриевой был выбран не случайно. Вошла она в историю русской литературы не только как женщина – поэтесса, ставшая известной благодаря одной из удивительнейших мистификаций Серебряного века, но также как поэтесса, создавшая в своей жизни две мистификации. И если первая мистификация была создана отчасти под влиянием мировоззрения, присущего Серебряному веку, то вторая мистификация скорее создавалась ради спасения Дмитриевой.

В создании очередной мистификации помог поэтессе сотрудник Азиатского музея, китаевед Юлиан Щуцкий, который был ее наставником и утешителем в ссылке в Ташкент за связь с антропософским обществом. Елизавета Ивановна, измученная допросами, арестами, пытками, голодом и ужасными условиями, тяжело болела, ничего не читала, не писала стихов. На чужбине ее угнетает сильная тоска по Петербургу и близким людям²⁸.

²⁵ Воспоминания С. Маковского, [в]: Л. Агеева, *Неразгаданная Черубина...*, с. 123.

²⁶ *История русской литературы: XX век: Серебряный век*, под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды и Е. Эткина, Москва 1995, с. 503.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: письмо Е.И. Васильевой к Е.Я. Архипову, Ташкент, 26 августа 1927, [в]: *Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908-1928*. Составление,

Именно в этот момент лучшим лекарством для нее стала встреча с Щуцким, понимавшим, что спасти ее сможет только творчество. Он придумывает в 1928 году Дмитриевой новую мистификацию – поэта Ли Сян Цзы.

В переводе на русский „Ли Сян Цзы” означает „философ из дома под грушевым деревом”, и именно поэтому сборник стихов так и называется *Домик под грушевым деревом*²⁹. Щуцкий написал в этом сборнике предисловие с описанием истории философа, высланного за веру в бессмертие человеческого духа в восточную страну. Философ так же, как и Елизавета Ивановна, жил в одиночестве, вдалеке от семьи

в маленьком домике под старой грушей. Сборник стихов состоит из 21 стихотворения. Всего в нем 147 стихотворений-семистиший³⁰ (непарное количество строк в строфе характерно для китайской поэзии, что и демонстрирует сборник).

Стихи Ли Сян Цзы полны печали по родным местам и дорогим сердцу людям. Вот одно из них *Китайский веер*

На веере – китайская сосна...
Прозрачное сердце, как лед.
Здесь только чужая страна,
Здесь даже сосна не растет.
И птиц я слежу перелет:
То тянутся гуси на север.
Дрожит мой опущенный веер...

Особое место в лирике философа занимает пейзаж. Поэт не по своей воли, а по несчастному стечению обстоятельств попадает на чужбину. Возьмем, например, стихотворение *Река*

Здесь и в реке – зеленая вода,
Как плотная, ленивая слюда
Оттенка пыли и полыни...
Ах, лишь на севере вода бывает синей...
А здесь – Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слезы, как песок

Пейзаж чужбины показан в оттенках «пыли» и чувствуется вкус горечи «полыни». Складывается ощущение, что поэт сравнивает настоящую жизнь с прошлой «здесь и в реке – зеленая вода», как «ленивая слюда», а там, на севере, «вода бывает синей». Из стихотворения видно безвыходное положение поэта, который знает, что ему не суждено вернуться на родину «меж нами, как река, пустыня», а сердце плачет и «высыхает» от тоски.

подготовка текстов В. Купченко и Р. Хрулево. Издательство дом «Коктебель», Феодосия-Москва 2009, с. 159.

²⁹ Журнал „Культ личностей”, ноябрь/декабрь 1999.

³⁰ Н. Бочарова, *Домик под грушевым деревом. Последняя мистификация Черубины де Габриак*, Алма-Ата 1989, с. 25.

В образах Черубины де Габриак и Ли Сян Цзы ярко выражены признаки, присущие мистификации – это введение в заблуждение читателей или группы людей относительно автора, а также публикация произведений от имени вымышленного лица, при этом мистификатор создает самого человека, придавая ему определенные черты характера, биографию и литературный стиль. Причинами появления первой мистификации Дмитриевой – Черубины де Габриак, созданной на переломе XIX-XX веков в 1909 году, является мировоззрение людей искусства, которые искали новые направления, увлекались мистицизмом и являлись разрушителями всего старого и привычного. Эпоха навязывала игровое поведение людей, часто переплетавшиеся с повседневной жизнью, стирая тем самым между ними границы. К причинам второй мистификации – Ли Сян Цзы, которая появилась в 1928 году, можно бы было отнести ссылку Дмитриевой в Ташкент. Эта мистификация помогает поэте не только пережить трудное для нее время, но и вновь поверить в свои силы. А это значит, что создание мистификаций каким-то образом всегда связано с взглядами определенного времени.

Отношение к литературной мистификации со стороны исследователей во всех ее случаях не может быть одинаковым. Каждая мистификация, раскрытая или нет, несомненно, представляет собой научную ценность и рассматривается наукой как литературное достояние эпохи, а изучение скрытых мотивов, идеологических и литературно-общественных взглядов помогает понять атмосферу, характерную для разных эпох.

Библиография

- Агеева Л., *Неразгаданная Черубина*. Документальное повествование, Москва 2006.
- Аринин В., *Взрыв золотого «Слова»*, www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=265.
- Барковская Н.В., *Поэзия «серебряного века»*, Екатеринбург 2010.
- Безелянский Ю.Н., *99 имен Серебряного века*, Москва 2009.
- Бочарова Н., *Домик под грушевым деревом. Последняя мистификация Черубины де Габриак*, Алма-Ата 1989.
- Воспоминания С. Маковского, [в:] Л. Агеева, *Неразгаданная Черубина*, Документальное повествование, Москва 2006.
- Журнал „Куль личности”, ноябрь/декабрь 1999.
- Из воспоминаний М. Волошина, [в:] Л. Агеева, *Неразгаданная Черубина*. Документальное повествование, Москва 2006.
- История русской литературы: XX век: Серебряный век*, под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды и Е. Эткинда, Москва 1995.
- Краткая литературная энциклопедия. Мистификации литературные*, feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-8653.htm.
- Ланн Е., *Литературная мистификация*, издание 2-е дополненное, Москва 2009.
- Литературный энциклопедический словарь*, под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева, Москва 1987.
- Маковский С., *Портреты современников*, Нью-Йорк 1995.
- Минералова И.Г., *Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма*, 5-е издание, Москва 2009.

Письмо Е.И. Васильевой к Е.Я. Архипову, Ташкент, 26 августа 1927, [в:] Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908-1928, составление, подготовка текстов В. Купченко и Р. Хрулево, Феодосия-Москва 2009.
Поэмы Оссиана. Мистификация Макферсона, fraudsa.ru/glavnaya/8-royemy-ossiana-mistifikaciya-makfersona.html.
ru.wikipedia.org/wiki/Ложь.
Словарь иностранных слов, 7-е издание, Москва 1980.
Слова. Серебряный век. Стихи Черубина де Габриак, slova.org.ru/degabriak.
Стихи Черубина де Габриак – Елизавета Васильева (Дмитриева), er3ed.qrz.ru/gabriak.htm#biography.

Summary

Mystification as literary fenomen (Cherubina de Gabriak)

Mystification it is the composition, where an author attributes its authorship to either other person (real or imagined one) or to the folklore. Mystification makes possible creation of a new and creative portrait of a fictional author. Each (exposed or not exposed) mystification has got great scientific value and is noticed as the literary heritage of the epoch, then the investigation of the hidden, world view and literary-social motives helps to understand ideology of different epochs. The literary mystification produces interest not only among persons to whom it is directed but also among literates. Besides reports on individual cases of mystification, there is just only one scientific report of E. Lann, where the author tries to make its classification. The description of mystification's causes and differences between mystification and pen-name are included in this paper.

As the example, in this paper was described the case of appearance and discovery of Silver age mystification of Cherubina de Gabriak (it was the pen name of E. Dmitrieva)

Key words: *literary mystification, pen name, falsification, silver age, Elizabeth Dmitrieva, Cherubina de Gabriak*